

ШТРИХИ к портрету... Не совсем точно представляю себе, что это такое, однако попробую...

Александра Кривицкого я знаю давно — с первых дней войны. Он работал в газете «Красная звезда», я служил в «Сталинском соколе» и помню, каким огромным успехом в армии пользовались его военные очерки, исследования о гвардии, присяге, знамени... Думаю, если спросить у любого офицера — участника Великой Отечественной войны, то окажется, что он или сам читал эти произведения, или от кого-то слышал о них. Уже тогда публицистика А. Кривицкого имела свою особую печать: масштабность, историчность подхода к явлениям при яркости образительных средств. Ныне вы найдете в его книгах рассказы, блестящие юмором и трогательные проникновенностью раздумий и ощущений, ироничные, саркастические памфлеты, вскрывающие корни политических доктрин современного буржуазного мира, портреты людей, с которыми автора сталкивает его писательская и просто человеческая судьба, наконец, «биографии» произведений, которые он всей душой любит или, наоборот, не приемлет.

Художественная публицистика — полноправный вид прозы, и творчество Александра Кривицкого как нельзя лучше подтверждает этот неоспоримый факт. Ему свойственны особая манера лирического проникновения в историю и современность и одновременно острота, которую я назвал бы драматургией исследуемого факта или процесса. Одинаково убедительно выступает А. Кривицкий как военный историк, как публицист-международник, как зоркий художник, способный глубоко осмыслить и оригинально выразить то, что он видит и знает. Уже не раз говорилось о богатстве языка этого писателя, подчеркивались его обширные знания, его идеологическая вооруженность. В его творчестве есть та искрометность, которую называют «игрой ума», но это свойство проявляется у него не само по себе, не самоцельно, а всегда работает на главную мысль, на серьезную проблематику его произведения.

Я пришел в литературу как детский писатель, но у меня есть некоторый опыт написания пьес и киносценариев, связанных с зарубежной темой, с проблемами идеологической борьбы. Знаю, как нелегко перевести политические формулы на язык метафор, вводить явления политики в образную ткань произведения. Александр Кривицкий делает это настолько точно, что невольно позавидуешь.

Счастливым свойством этого таланта — емкость мысли, образа, слова. Может быть, в его «почти рассказах» содержится зерно романов, а в памфлетах — обширных исследований. Но он пишет как пишет, отличаясь лаконизмом в постановке общей проблемы, воссоздании человеческого поступка или характера в целом. Его манера не спутаешь ни с какой другой.

«Похищение из отеля «Черный дрозд» — что это? Рассказ? Очерк? Или, как теперь модно говорить, эссе? Здесь все признаки отличной прозы — напряженный сюжет, живые портреты персонажей, в том числе и фигура самого автора, особая, свободная и доверительная манера его рассуждений. И вместе с тем взрывающийся как бы неожиданно публицистический темперамент... Одно качество переходит, перетекает в другое естественно и органично, радуя законченностью формы.

Серия памфлетов на американские темы опубликована в книге «Как ловят крабов в Сан-Франциско». Они охватывают широкий круг проблем нашей борьбы с идеологическим противником, написаны точно и остро, «стреляет» каждая фраза, как я уже говорил, стиль пронизан метафоричностью. В эрудиции автора нет ни назойливости, ни

мишуры. Перо держит рука художника-бойца.

Имя Александра Кривицкого звучит в нашей публицистике особо. Когда вижу это имя на газетной полосе, журнальной или книжной обложке, всегда предвкушаю интересное чтение и еще ни разу не обманулся. Один писатель уподобил его «почти рассказы», такие, как «Жара в Агудзере», «Узор ковра», «Бранденбургские ворота» и другие, собранные в книге «Как ловят крабов в Сан-Франциско», старинным павловским секретером с их до времени потаенными ящичками и углублениями. У Кривицкого эта особенность выражена в непредвиденном направлении контрастных ассоциаций и пружи, двигающих сюжет. То чеховский «Вишневы сад» в «Шпионе со слезой», то явление королевы Марии Антуанетты и шахини Сорейи в «Жаре в Агудзере», то образ Гейне с его класси-

впечатляет. Мне кажется, единство двух полярных образных течений в отчетливом замысле писателя и составляет неповторимость его почерка. Как поэту мне близка такая форма произведений Кривицкого, я ощущаю ее плодотворность в художественном освоении общественной темы.

Творчество Александра Кривицкого давно замечено и признано. Георгий Марков назвал его мастером публицистики. Николай Тихонов так оценил его дарование: «Как писатель, он владеет языком, где есть все элементы отличной прозы — от пафоса до иронии. Как публицист, он точен, вооружен новейшими фактами, сосредоточен и страстен, отчего его многочисленные статьи и очерки всегда привлекают внимание и остаются прекрасными образцами в своей области». Константин Симонов писал в связи с выходом сборника «Не забуду во-

чество Кривицкого дает к этому серьезные основания.

Широкую известность принесло писателю первооткрытие ныне легендарного подвига 28 героев-панфиловцев. В осенние дни 1941 года страна и армия впервые узнали о волнующем событии на маленьком разъезде Дубосеково под Москвой из статьи и очерка Александра Кривицкого, опубликованных в «Красной звезде». Спустя срок автор выпустил в свет документальную повесть «Подмосковный караул», посвященную этому событию.

Увлекательно, интересно пишет А. Кривицкий о людях Советской Армии. Любопытнейшие его изыскания в сфере воинской психологии соседствуют с портретами людей, написанными живыми красками. Такие портреты комиссаров — боевых воспитателей двадцати восьми героев — Ахмеджана Мухамедьярова, Петра Логвиненко, Сергея Егорова и политрука Василия Ключкова. Автор тонко передает своеобразие лексики персонажей. Вот всего лишь несколько строк — зачин рассказа старого кавалериста: «Слушай, — сказал Мухамедьяров торопливо, танцовственно, вполголоса, полуприкрыв веками два кофейных зернышка в глазах, — на рассвете, когда солнце только дараннуло небо клинком, песок серый, совсем серый, как лицо убитого басмача. Солнце всходит — песок желтеет. Все оттенки этого цвета переливаются. Плов — тоже желтый...»

«Подмосковный караул» — произведение очень насыщенное. Я читал его как маленькую военную энциклопедию, отвечающую на очень важный вопрос: что такое воинские традиции Советских Вооруженных Сил? Машинкой времени называет автор память — «дар, что возвысил человека над всем сущим и сблизил череду поколений». В этой мысли — зерно всего документального повествования, умно пропагандирующего боевые традиции нашей армии, которые, как пишет автор, взаимодействуют с современностью «на широком поле жизни, где смыкаются прошлое с настоящим, звено к звену».

Тридцать лет в общей сложности и писал автор небольшую эту книгу. Он исполнил свой долг. Он отнесся к своей работе с полной мерой гражданской ответственности, с благородством талантливого писателя-коммуниста, сознающего величие дела, которому он служит.

Недавно в пятом и шестом номерах «Знамени» за этот год я прочел повесть-хроник А. Кривицкого «Тень друга, или Ночные чтения сорок первого года». Автор заглянул в военную историю из дней Отечественной войны и из современности широкозахватно и пронидательно. Это значительное произведение, и, как всегда у Кривицкого, оно написано зажигательно, молодо, полно удивительных находок, смелых, интересных умозаключений.

«Тень друга...» заслуживает обстоятельного разбора, а от себя скажу: радуюсь тому, что в новой работе писателя получил подтверждение всем своим мыслям о его творчестве.

Сергей МИХАЛКОВ

ПИСАТЕЛЬ И ЖАНР

ческим путешествием по Гарцу в «Похищении из отеля «Черный дрозд», то видение древнерусского тира-борда Вадима Новгородского в рассказе «Хочу увидеть Ярымова». И все это, неожиданное и будто бы случайное, отнюдь не воспринимается как «вставной номер», а неизменно и прочно соотносится с тем важным, что составляет художественный и социальный смысл «почти рассказов» А. Кривицкого.

Настоящая художественная публицистика долговременна, потому что прозорлива. Девять лет назад был опубликован памфлет «Плоды просвещения г-на Бжезинского». А. Кривицкий одним из самых первых разглядел на политических подмостках США зловещность будущего помощника президента по национальной безопасности, который в ту пору был директором института «по изучению» коммунизма при Колумбийском университете. Этот памфлет, написанный с идейной убежденностью, отточенный литературно, публиковался затем в сборниках писателя «Начала и концы», «Человек и событие». Он многое объясняет в сегодняшней деятельности рьяного трубадура американской реакции.

Александр Кривицкий — отличный волеист, его памфлеты запоминаются надолго. Этот жанр в его чистом виде — редкость в нашей литературе. Он требует не только ясной целенаправленности, энциклопедических знаний, но и такого владения формой, которое позволяет стянуть к единому центру все разнородные элементы произведения, выдержать избранную интонацию, ритм, строй и достигнуть эффективной энергии памфлетного образа.

В книге «Пентагон и его окрестности» собраны первоклассные образцы этого жанра. Помимо бытового в цель сарказма, в них часто присутствует и сквозная лирическая метафора, выражающая душевное кредо автора. Она органична в движении избалованного сюжета, и это тем более

важно: «...В книге этой, при всем различии жанров, в котором написаны разные ее главы, присутствует цельность. Та самая главная, внутренняя цельность, которая определяется цельностью взгляда на войну и на ту сумму военных моральных, психологических требований, которые война предъявляет к человеку». Юрий Жуков горячо отозвался о книге «Кое-что о Пентагоне»: «Работа А. Кривицкого... служит всем нам, международникам, примером того, как можно не только обстоятельно рассказать о хитросплетениях американской политики, диктуемой военной энциклопедией из Пентагона и стоящим за нею военно-промышленным комплексом, но и дать яркие картины их деятельности и даже нарисовать запоминающиеся портреты наиболее видных фигур этого удручающего мира. Для того чтобы сделать это, требовалась огромная исследовательская работа, помноженная на ювелирную шлифовку стиля».

Любопытно, что о творчестве Кривицкого писали главным образом прозаики и даже поэты, такие, как Степан Щипачев, Расул Гамзатов и другие. Да и я пишу о нем не впервые. Между тем критике давно пора серьезно проанализировать большое содержание и стилистические приемы произведений этого выдающегося советского публициста. Маститый наш критик Виктор Перцов назвал памфлеты публициста сюжетными. Это, бесспорно, меткое определение. Сюжетная публицистика — не столь частое явление в нашей литературе, а ведь она, безусловно, обладает притягательными свойствами для читательской аудитории. Почему бы критике не рассмотреть подобную проблему более углубленно? Твор-